

Л. И. Бабенко

О БОРДЮРАХ ПЕКТОРАЛЕЙ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ И БОЛЬШОЙ БЛИЗНИЦЫ

В статье проанализированы возможные причины использования бордюров в конструкции пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы.

Ключевые слова: скифы, пектораль, Толстая Могила, Большая Близница, торевтика, бордюр.

Введение. В сферу исключительно разносторонних научных интересов Светланы Сергеевны Бессоновой вошел и шедевр греко-скифской торевтики — пектораль из Толстой Могилы. В том или ином контексте С. С. Бессонова касалась темы пекторали почти в двух десятках своих работ — от статей, последовавших незадолго после открытия украшения (1977, с. 18, 20; Бессонова, Раевский 1977, с. 44) и до самых новейших исследований (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016, с. 197, 203). Особое внимание проблематике пекторали уделено в двух работах С. С. Бессоновой, в которых были предложены оригинальные трактовки сцен с участием антропоморфных персонажей верхнего фриза (1983, с. 70—74; 1991, с. 89—92). Являясь неофициальным символом украинской археологии, пектораль на протяжении полувека вызывает у исследователей неизменный интерес, который, однако, распределен достаточно неравномерно. Более всего изучены проблемы семантики образов и сюжетов, а также художественной стилистики украшения. В тоже время вопросы, связанные с особенностями конструкции пекторали, а также техники ее изготовления, затрагивались гораздо реже.

Бордюр пекторали из Толстой Могилы. Одной из неприметных деталей пекторали из Толстой Могилы является бордюр, припаянный к верхнему краю нижнего жгута по всей его длине и уходящий обоими концами внутрь

обоймы, охватывающей все четыре жгута пекторали (рис. 1: 1—2). Высота бордюра — 4 мм, ширина — 2 мм. По определению Б.Н. Мозолевого, пожалуй, единственного из всех исследователей пекторали, кто уделил этой детали особое внимание, бордюр имеет швеллеровидный профиль (1979, с. 74). «Швеллеровидность» бордюра не технологическая, а декоративная — образный профиль сечения достигается за счет бортиков из рубчатой проволоки, имитирующей зернь и припаянной вдоль верхнего и нижнего края бордюра. Средняя часть внешней стороны бордюра украшена орнаментом в виде длинного ряда ионик или ов, отделенных друг от друга стрельчатými, едва заметными, листьями (рис. 1: 1) ¹. По мнению Б. Н. Мозолевого орнамент выполнен в технике литья (1979, с. 74). С обратной стороны бордюр гладкий (рис. 1: 2). Снизу бордюр припаян к каждому «пруту» ложновитого жгута. В верхней части к бордюру припаяны горельефные фигурки нижнего фриза.

Бордюр очень гармонично вписывается в художественную композицию пекторали благодаря использованию мастером в отделке ее различных частей таких же орнаментальных мотивов. Рядом ионик украшен нижний край обойм. Рубчатая проволока, имитирующая зернь, употреблена еще более широко — ею обрамлены цветочные орнаментальные зоны обойм и застежек, контуры лепестков розеток среднего фриза, а также заполнены по спирали углубления всех четырех жгутов.

1. С. С. Бессонова рассматривала оформление овами внешнего контура пекторали как пример использования разновидности «мужского» орнамента, «мужской символики» (1991, с. 90).

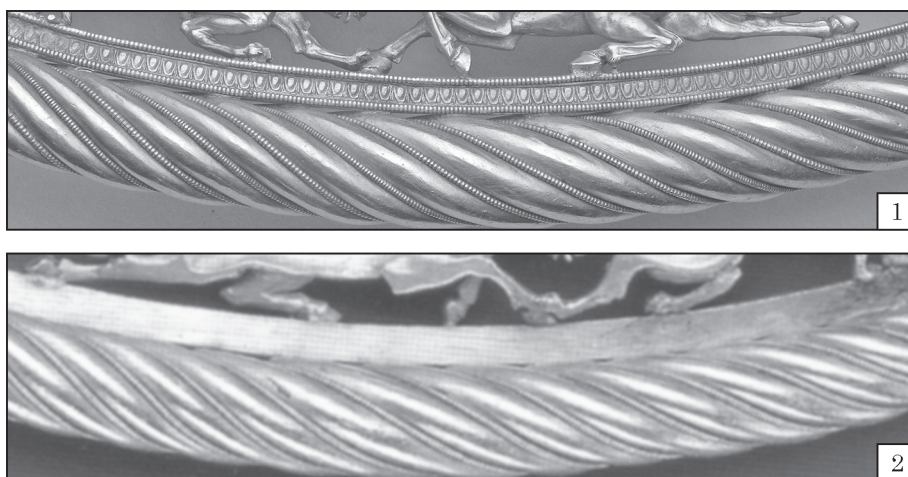

Рис. 1. Бордюр пекторали из Толстой Могилы, фрагменты: 1 — лицевая сторона (Dally 2007, Abb. 2); 2 — оборотная сторона (ed. Reeder 1999, p. 328, cat. 172)

Рис. 2. Фигурные композиции на предметах торевтики, очерченные бордюром. Сосуды: 1 — к. 3 гр. «Частые курганы» (Firsov, Žuralev 2007, Abb. 3c); 2 — Куль-Оба (Алексеев 2012, с. 192); 3 — Гайманова Могила (ред. Толочко 1991, с. 373, кат. 96); 4 — Солоха (Алексеев 2012, с. 150); 5 — обивка горита из Мелитопольского кургана, фрагмент (ред. Толочко 1991, с. 395, кат. 92); 6 — гребень из Солохи, фрагмент; 7, 8 — амфора из Чертомлыка, фрагмент (Алексеев 2012, с. 131, 198)

Подобное оконтуривание нижнего края фигурных композиций посредством узкой горизонтальной полосы — гладкой или орнаментированной тем или иным узором — получило широкое распространение при оформлении изделий греко-скифской торевтики, исполненных в разнообразной технике. Этот прием был использован в композиции знаменитых сосудов с изображением сцен скифской жизни, образительные фризмы которых подчеркнуты снизу

своеобразным «бордюром» из ионик (Воронежский курган, Гайманова Могила) или плетенки (Солоха, Куль-Оба) (рис. 2: 1—4). На горитах чертомлыкской серии верхний фигурный ряд расположен на бордюре, украшенном рядом ионик и стрельчатых листьев, очень близких орнаменту бордюра на пекторали, но очерченных снизу и сверху гладкими бортиками. Нижний ряд подчеркнут гладким бордюром (рис. 2: 5). Сцены битвы с грифонами на калафе из

Большой Близицы очерчены внизу полосой из меандра с шестилепестковыми розетками (Калашник 2014, с. 156—161). На конусе из Передериевой Могилы фигурные композиции расположены на полосе из цепочки цветков лотосов. Фигурная группа золотого гребня из Солохи размещена на продолговатой подставке, напоминающей такой же бордюр, гладкий посередине и обрамленный сверху и снизу цепочками псевдозерни (и под фигурками львов — гладкий бордюр) (рис. 2: 6). Наконец, фигурная группа среднего изобразительного фриза серебряной амфоры из Чертомлыка также расположена на бордюре-обруче с похожим же «швеллеровидным» профилем, но с гладкими бортами и орнаментированным плетенкой (рис. 2: 7, 8)¹. Последний пример использования бордюра, помимо художественного обрамления, отличается и конструктивной обусловленностью изделия. Непосредственно на нем размещены барельефные скульптурки скифов и лошадей, а сам бордюр, прикрепленный в месте максимального диаметра амфоры, прикрывает соединение верхней и нижней части тулова амфоры (Минасян 1991, с. 378—379).

Однако при конструировании верхнего фриза пекторали мастер отказался от использования подобного бордюра — низ фигурок припаян непосредственно к ложновитому жгуту. В художественном отношении подобному оформлению также можно найти аналогии. Горизонтальной полосой, имитирующей витой шнур, очерчен низ фигурных композиций на обкладках ножен мечей чертомлыцкой серии, ножен меча из Толстой Могилы, а также конуса из кургана Сенгилеевское 2 (Мозолевский 1979, рис. 55, 56; Алексеев 2012, с. 214—220; ed. Schiltz 2001, p. 120, 121, cat. 88; Curry 2016, p. 29—31)².

Столь различное оформление двух фризмов побуждает к поиску ответа на вопрос — причины какого характера, художественного или конструктивного, обусловили решение мастера использовать в композиции одного из фризмов пекторали специальный бордюр? На первый взгляд, подобная мера могла быть связана именно с некоторыми особенностями конструкции

пекторали, являвшейся сложносоставным украшением из более чем 160 деталей (Рудольф 1993, с. 85; Jacobson 1995, p. 117; Черняков, Підвисоцька 1999, с. 77). Важной задачей, стоявшей перед мастером, было обеспечение необходимой жесткости конструкции основного корпуса пекторали, состоящего из четырех жгутов и многочисленных фигурок — 25 в пределах верхнего фриза и 23 — нижнего. Неподвижность достигалась за счет точечного припаивания с промежутками в 20—22 мм к средним жгутам пекторали сплошной золотой пластины в форме полумесяца, служившей своеобразным ребром жесткости (Підвисоцька, Черняков 2002). А также припаивания к жгутам, образующих крайние фризы, по всей их протяженности, верхних и нижних частей горельефных фигурок. В последнем случае успешному решению задачи способствовало соответствие размера фигурок и проема между жгутами — посередине, в более широком месте, были припаяны наиболее крупные фигуры. И далее, по мере сужения фриза к концам, уменьшался и размер фигурок, точно вписанных в проем между верхним и нижним жгутом.

В конструкции пекторали бордюр нижнего фриза уменьшает его проем по всей длине на 4 мм, т. е. на собственную высоту. Если убрать бордюр, ширина проема, соответственно, вырастет, и высота почти всех фигурок окажется недостаточной для их припаивания сразу к двум жгутам (рис. 3: 1—2). Поэтому можно было бы предположить, что при расчетах параметров отдельных частей пекторали мастер допустил незначительный просчет. Для его устранения ему понадобилось уменьшить проем нижнего фриза, что и было сделано с помощью бордюра, который изящно и неприметно исправил досадную погрешность. При этом отсутствие такого же бордюра в верхнем фризе в этом случае свидетельствует о точности расчетов, что позволило избежать привнесению в конструкцию пекторали дополнительных элементов.

Но если бы проблема состояла лишь в необходимости уменьшения проема нижнего фриза, то она могла быть легко решена менее затратным — и по времени, и по материальным ресурсам — способом. При том же размере фигурок достаточно было бы нижний жгут пекторали поднять на 4 мм, и чуть сильнее согнуть вовнутрь его верхние концы — также на 4 мм. Соответственно, несколько уже оказались бы обоймы, охватывающие жгуты пекторали (рис. 3: 3). Но эти элементы пекторали, несомненно, изготавливались уже после сборки основного корпуса украшения и их параметры рассчитывались по факту сконструированной части украшения.

Однако предполагаемый вид пекторали без бордюра позволяет увидеть другую его важную функцию, связанную с художественной стилистикой пекторали. Одним из принципов, используемых мастером при создании композиции пекторали, является гармоническое сочетание

1. Перечень подобных примеров очень большой. Следует отметить и древность этой изобразительной традиции (шествие животных по бордюру из плетенки на обивках ножен келермесского и мельгуновского мечей), и широту ее использования. Этот прием использовался и торецками (многочисленные золотые пластины головных уборов, гривны с животными из Толстой Могилы и Чертомлыка и пр.), и проник непосредственно даже в скифскую среду. Часто подобной полосой подчеркнуты фигуры и фигурные композиции скифских наверший IV в. до н. э.
2. Подобный прием можно увидеть и на предметах, созданных в инокультурной среде. Так, на линии, имитирующей плетеный шов, размещены сцены охоты на рукояти ахеменидского меча из Чертомлыка (Алексеев 2012, с. 210—213).

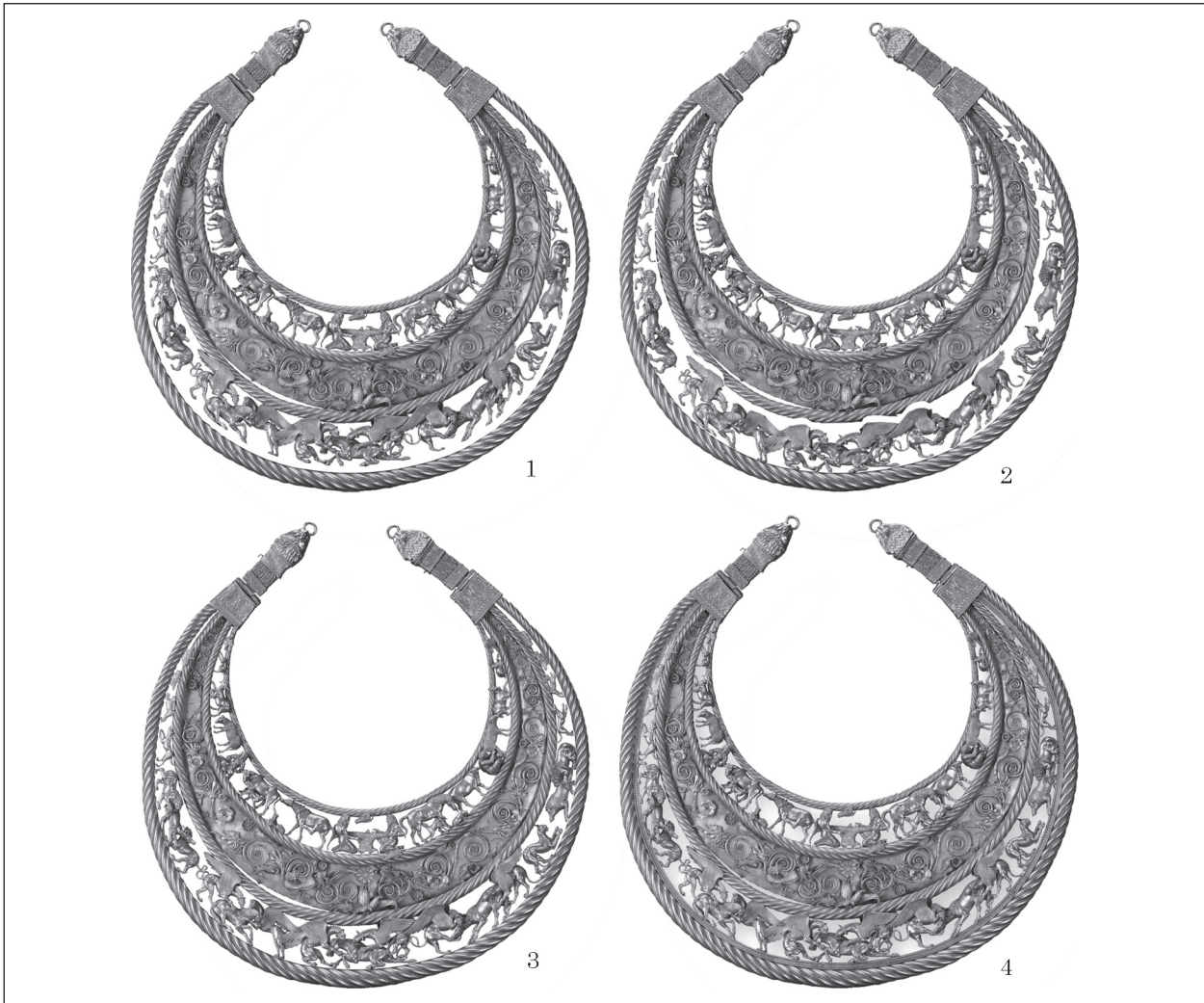

Рис. 3. Пектораль из Толстой Могилы: 1—3 — гипотетические варианты пекторали без бордюра; 4 — аутентичная пектораль (Dally 2007, Abb. 2)

параметров верха и низа, центра и флангов. Внизу и в центре элементы конструкции пекторали более тяжеловесные и массивные, и постепенно уменьшаются к верху и к краям. Это выражено и в размерах и конфигурации жгутов каркаса — более толстых в центре и сужающихся к краям, а также уменьшающихся снизу доверху, и в размерах фигурок нижнего и верхнего фриза, повторяющих эту динамику. Поэтому также важно было соблюсти подобное соотношение и в высоте фризов — именно верхнего и нижнего, как наиболее атрактивных в композиции пекторали. Показательно, что проем нижнего фриза несколько больше верхнего и без использования бордюра, т. е. подобное соотношение задумывалось изначально. Однако визуально эта разница нивелируется по отношению к легкому верху. Дополнение нижнего фриза бордюром удачно решало эту проблему за счет его небольшого расширения по всей длине, а также наличия сплошной полосы, зрительно несколько утяжелявшей низ (рис. 3: 3—4).

Поэтому, если предположить, что бордюр в конструкции пекторали не был *задуман изначально*, а включен туда уже на стадии ее корректирования, то цепочка технических операций могла быть противоположной изложенной выше. Т. е., изготовив фигурки верхнего и нижнего фриза и ложновитые жгуты, и собрав вместе всю конструкцию еще до стадии пайки, мастер мог заметить описанную выше дисгармонию между верхним и нижним фризом. Незначительное увеличение проема фриза требовало в этом случае и изготовления нового комплекта его фигурок — соответственно, большего размера. Но мастер нашел другой выход, более простой и эффективный. Дополнение фриза бордюром удачно решало сразу две задачи: увеличение до желательных размеров высоты фриза с одной стороны, и сохранение необходимой высоты проема, соразмерной уже отлитым фигуркам. Таким образом, концы внешнего жгута были чуть разогнуты, к внутренней его стороне припаян бордюр, а затем и вся фигурная композиция между двумя жгутами. В этом случае, доминирующей причиной, обусловившей ис-

Рис. 4. Пектораль из Большой Близицы: 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона, фрагмент (Калашник 2014, с. 188, 193)

пользование бордюра, было стремление мастера к художественной гармонии пекторали.

Бордюры пекторали из Большой Близицы. Теперь интересно сравнить особенности использования близких бордюров в пекторали из Большой Близицы (рис. 4: 1—2). Сходство двух пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близицы отмечали многие исследователи, указывая на разный уровень мастерства торовтов, изготовивших эти украшения. По общему мнению, таманскую пектораль отличает «боль-

шая грубость», меньшая «сложность исполнения и художественная ценность», «утонченность», «изящество», «совершенство техники» (Мозолевский 1972, с. 293; Мачинский 1978, с. 145; Манцевич 1980, с. 109; Савостина 1999, с. 201; Русяева 2008, с. 523; Schwarzmaier 1996, S. 127—129; Jacobson 1995, p. 119; Fornasier 1997, S. 123—126; Williams 1998, p. 102). Подобная оценка справедлива по отношению буквально к каждой детали пекторали, в том числе и бордюрам, имеющим очень зримые отличия.

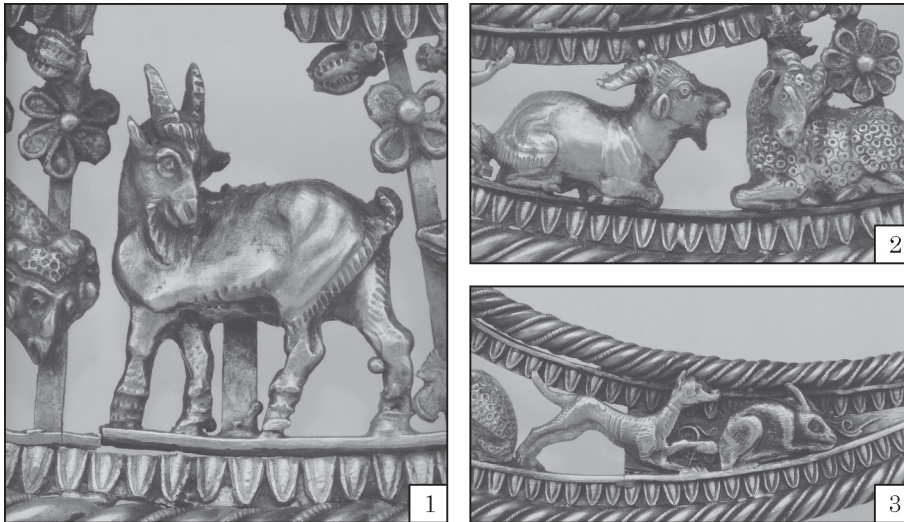

Рис. 5. Пектораль из Большой Близниці: 1— 3 — фрагменты фриза с бордюрами (Калашник 2014, с. 191, 192)

Во-первых, таманская пектораль имеет два бордюра, которые обрамляют фигурную композицию и сверху, и снизу. Каждый из бордюров имеет Г-образный профиль, образованный двумя полосками — вверху гладкой горизонтальной, внизу — вертикальной полосой, украшенной рельефными заостренными книзу иониками. Причем сзади горизонтальная и вертикальная полосы соединены заподлицо, а впереди горизонтальная полоса выступает небольшим бортиком. Одинаковая конструкция верхнего и нижнего бордюров обусловила различное их крепление к жгутам. Нижний бордюр припаян к жгуту вертикальной полосой, а на горизонтальной полосе расположены фигурки животных. Верхний бордюр, напротив, припаян к жгуту горизонтальной полосой. Отмеченные общие повреждения пекторали древнего происхождения (Калашник 2014, с. 189) коснулись и бордюров — отсутствует участок верхнего бордюра в центральной части (или же он намеренно удален, чтобы пространственно выделить центральную фигуру козла) (рис. 5: 1). Также местами разошлась пайка, и полосы бордюра покоробились. Бросается в глаза и очевидная разница рельефного орнамента из ионик на бордюрах двух пекторалей. На таманском украшении они более рельефные, но грубые и внешне не тождественны. Форма ионик остролистая, но между ними отсутствуют «стрелки».

Перед мастером пекторали из Большой Близниці также стояла задача обеспечения жесткости конструкции изделия, хотя, на первый взгляд и более легкая. Требовалось добиться неподвижности не четырех жгутов и трех изобразительных фризов, а всего лишь двух жгутов и одного фриза из фигур животных. Однако для решения этой задачи мастером был выбран другой путь. Если в пекторали из Толстой Могилы жесткость ажурных фризов обеспечивают соразмерные проему фигурки животных — разных видов и, соответственно, размеров, то

использовать этот же прием в конструкции пекторали из Большой Близниці, соблюдая при этом пропорциональность представленных животных — баранов и козлов — невозможно. По мнению Ю. П. Калашника, «благодаря мастерски продуманной композиции фигуры козлов и баранов, изображенных в естественных позах, не стеснены рамками фриза» (2014, с. 189). Но подобная «нестесненность поз» потребовала, в свою очередь, для обеспечения жесткости пекторали создания довольно неказистой конструкции в виде припаянных к внутренней стороне бордюров 17 золотых полосок (рис. 4: 2). Эти же полоски служат и для крепления собственно большей части фигурок животных, 4-, 6- и 8-лепестковых розеток, листьев аканфа и коробочек мака, которыми частично скрыт мало эстетический вид самих полосок. И только крайние по обе стороны фриза фигурки лежащих козлов припаяны непосредственно к бордюрам (рис. 5: 2). Эту функцию могли исполнять и фигурки собак и зайцев на концах пекторали. Однако и здесь художник предпочел решить задачу иным способом, припаяв к бордюрам по углам фриза треугольные пластины, заметно ослабившие общее впечатление ажурности украшения в целом (рис. 5: 3).

Столь большое количество и разнообразие деталей (2 бордюра, 17 вертикальных полосок, 2 треугольные пластины) для обеспечения жесткости одноярусной пекторали может показаться неоправданно избыточным. Однако зримое стремление мастера к укреплению конструкции пекторали может найти объяснение, если обратить внимание на некоторые особенности устройства ее жгутов. В пекторали из Толстой Могилы четыре ложновитых жгута представлены монолитными полыми трубками (спаянными из двух частей каждая), что облегчало достижение жесткости конструкции изделия в целом. Но у жгутов пекторали из Большой Близниці иное устройство. Каждый из жгутов свит из трех отдельных проволок или

трубочек¹. Как представляется, использование подобной техники не позволяло получить такой же жесткий жгут, как в случае с цельными полыми трубками. К этим выводам побуждают склониться наблюдения над некоторыми украшениями со жгутами, свитыми подобным образом.

В этой же технике были изготовлены жгуты двух браслетов из некрополя Пантикапея, неплотно сплетенные стержни которых разошлись, образовав в некоторых местах хорошо видимые просветы (Калашник 2014, с. 104). Из шести полых трубочек был свит жгут гривны со скифами-всадниками на концах из Куль-Обы, что было отмечено несколькими исследователями (Древности... 1854, с. 58; Петренко 1978, с. 46; Уильямс, Огден 1995, с. 137). В отличие от браслетов из пантикапейского некрополя, мастеру, изготовившему гривну, удалось достичь более качественного соединения сплетенных трубочек, которые плотно прилегают друг к другу, совершенно не образуя щелей. Однако, вероятно, именно подобная особенность конструкции предопределила своеобразную «подвижность», «гибкость», «упругость» гривны из Куль-Обы². Параметры украшения могут изменяться в зависимости от ее положения, и, как результат, форма гривны может быть в одних случаях немного вытянута по горизонтали, в других — по вертикали, что заметно на фотографиях украшения в различных изданиях. С этим качеством гривны, вероятно, следует связывать и достаточно широкую вариативность ее параметром, приведенных различными исследователями — 34 × 26 см (Петренко 1978,

с. 46); диаметр 25,8 см (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, fig. 126; Jacobson 1995, p. 120); около 25 см (Schiltz 1994, S. 162); 26,6 × 24 см (Уильямс, Огден 1995, с. 137); длина 31,5 см (Алексеев 2012, с. 184).

Поэтому сделанные в такой же технике жгуты пекторали из Большой Близницы также могли обладать схожей подвижностью. Это и потребовало от мастера дополнительных мер для достижения необходимой жесткости не только общей конструкции, но еще и самих жгутов.

Выводы. Таким образом, несмотря на стилистическое сходство, бордюры двух пекторалей отличаются уровнем мастерства, устройством, а также своим функциональным назначением. Бордюр нижнего фриза пекторали из Толстой Могилы, уменьшая высоту просвета, обеспечивал оптимальное размещение скульптурных фигур между двумя жгутами фриза. А также визуально увеличивал ширину фриза, создавая более гармоничное соотношение размеров верхнего и нижнего фриз. Два бордюра пекторали из Большой Близницы, в сочетании с 17 поперечными полосками, являлись каркасом для крепления фигур фриза и обеспечивали неподвижность свитым из трех трубочек жгутам пекторали.

Столь разные подходы при создании базовых элементов в конструкции обеих пекторалей свидетельствуют о том, что, несмотря на общее внешнее сходство, эти украшения отличает не только больший или меньший уровень мастерства изготовивших их торевтов, но и использование ими различных конструктивных решений. Это, в свою очередь, говорит о том, что создавались обе пекторали не одним мастером (Уильямс, Огден 1995, с. 127; Русяева 2008, с. 523; Полин 2014, с. 486) или мастерской (Алексеев 1987, с. 29, 30; Рудольф 1993, с. 88; Jacobson 1995, p. 119; Williams 1998, p. 103; Савостина 1999, с. 201; Themelis 2003, p. 165; Treister 2005, p. 62, 63), как считали многие исследователи, а различными ювелирами. Причем, если какие-то секреты технических приемов одного мастера были недоступны второму, то, вероятнее всего, и работали они в разных мастерских³.

1. Техника изготовления этих жгутов специально не рассматривалась, но несколько исследователей в предельно лаконичной форме охарактеризовали их конструкцию, придя к совершенно разным выводам. Б. Н. Мозолевский увидел в них две пустотелые жгутовидные трубки (1979, с. 213). М. Ю. Трейстер определил их как «ложновитые трубки с бронзовым сердечником» (2010, с. 555). По мнению Ю. П. Калашника лунница пекторали была образована «двумя жгутами из перевитых проволок» (2014, с. 189). Наибольшего доверия заслуживает последнее определение, сделанное исследователем, близко знакомым с украшением. Совершенно отчетливое впечатление о конструкции жгутов именно из перевитых «проволок» или трубок производят и фотографии украшения. Особенно это заметно в местах отсутствия рубленой проволоки, имитирующей зернь и заполняющей спиральные желобки жгута. Подобную конструкцию жгутов — из перевитых проволок — подтвердила и научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа А. В. Катцова, осмотревшая пектораль по моей просьбе, и которой я выражаю искреннюю признательность.
2. Об этом свойстве гривны из Куль-Обы мне сообщили заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексеев и А. В. Катцова, которым я признателен за внимание к моим просьбам.

3. По мнению М. Ю. Трейстера, исходя из предполагаемого А. Шварцмайер хронологического разрыва между двумя пекторальями (20-е годы IV в. до н. э. для украшения из Толстой Могилы и начало III в. до н. э. для пекторали из Большой Близницы), исследовательница полагала их изготовление разными мастерскими (2010, с. 555, 589, прим. 229). Следует все же заметить, что, несмотря на постоянный акцент на различии обеих пекторалей, проблема мастерских А. Шварцмайер в статье не затрагивалась (Schwarzmaier 1996, S. 127—129). Хронологический же разрыв, немного превышающий 20 лет (хоть и явно завышенные абсолютных дат), едва ли можно считать недостижимым даже для работ одного мастера, тем более мастерской.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, А. Ю. 1987. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. *Советская археология*, 3, с. 28-39.
- Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей из собрания Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Безсонова, С. С. 1977. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи. *Археологія*, 23, с. 11-24.
- Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.
- Бессонова, С. С. 1991. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере скифов. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев: Наукова думка, с. 84-96.
- Бессонова, С. С., Раевский, Д. С. 1977. Золота пластина із Сахнівки. *Археологія*, 21, с. 39-50.
- Бессонова, С. С., Зимовец, Р. В., Скорый, С. А. 2016. Бронзовая матрица скифского времени в пойме р. Трубеж (предварительная публикация). *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 189-205.
- Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа*. 1854. Санкт-Петербург, П.
- Калашник, Ю. П. 2014. *Греческое золото в собраниях Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Манцевич, А. П. 1980. Золотой нагрудник из Толстой Могили. *Thracia Serdicae*, V, с. 97-120.
- Мачинский, Д. А. 1980. Пектораль из Толстой Могили и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.
- Минасян, Р. С. 1991. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана. В: Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.* Киев: Наукова думка, с. 378-389.
- Мозолевский, Б. Н. 1972. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. *Советская археология*, 3, с. 268-308.
- Мозолевский, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.
- Рудольф, В. 1993. Большая пектораль из Толстой Могили: работа «чертомлыкского мастера» и его школы. *Археологические вести*, 2, с. 85-90.
- Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.
- Підвисоцька, О. П., Черняков, І. Т. 2002. Технологічні спостереження над середнім ярусом пекторалі із Товстої Могили. В: Ключко, Л. С. (ред.). *Музейні читання*. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р. Київ: МІКУ, с. 17-26.
- Полин, С. В. 2014. *Скифський Золотобалковський курганний могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщині*. Киев: Издатель Олег Филюк.
- Русяева, М. 2008. Образотворче і вжиткове мистецтво. В: Скрипник, Г., Михайлова, Р., Забашта, Р. (ред.). *Історія українського мистецтва*, 1: Мистецтво первісної доби та стародавнього світу. Київ: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, с. 380-565.
- Савостина, Е. А. 1999. Греческая торевтика на скифские темы: заметки о стиле скульптурного декора. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999. Санкт-Петербург, с. 199-204.
- Толочко, П. П. (ред.). 1991. *Золото степу. Археологія України*. Київ: Інститут археології Академії наук України, Шлезвіг: Археологічний музей.
- Трейстер, М. Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика. В: Бонгард-Левин, Г. М., Кузнецов, В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Москва: Наука, 2, с. 534-597.
- Уильямс, Д., Огден, Д. 1995. *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V—IV века до н. э.* Санкт-Петербург: Славия.
- Черняков, І., Підвисоцька, О. 1999. Технологічні та художні особливості пекторалі з Товстої Могили. В: Ковтанюк, Н. Г. (ред.). *Музей на рубежі епох: минуле, сьогодні, перспективи*. Матеріали ювілейної міжнародної науково-практичної конференції. Київ, с. 77-78.
- Curry, A. 2016. Rites of the Scythians. *Archaeology*, Juli—August, p. 26-32.
- Dally, O. 2007. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 291-298.
- Firsov, K., Žuralev, D. 2007. Kul'-Oba, Kozel und Aksjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen*. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 276-290.
- Fornasier, J. 1997. Das Pectorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. In: Stähler, K. (ed.). *Zur graeco-skythischen Kunst*. Archäologisches Kolloquium Münster. Münster: Ugarit-Verlag, S. 119-146. Eikon, 4.
- Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world*. Leiden, New York, Köln: E. J. Brill. Handbuch der Orientalistik, 2.
- Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.
- Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams, Inc.
- Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr.* München: Verlag C. H. Beck.
- Schiltz, V. (ed.). 2001. *L'Or des Amazones. Peoples nomades entre Asie Europe VIe siecle av. J.-C. — IVe siecle apr. J.-C.* Musee Cernuschi musee des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 16 mars — 15 juillet 2001. Paris: Editions Findakly.
- Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Grossen Blisniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 111, S. 105-137.
- Themelis, P. 2003. Macedonian dedications on the Akropolis. In: Palagia, O., Tracy, S. V. (ed.). *The Macedonians in Athens, 322—229 BC: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24—26, 2001*. Oxford: Oxbow, p. 162-172.
- Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)*. Exeter: University of Exeter Press, p. 56-63, 190-194.
- Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum Press, p. 99-104.

REFERENCES

- Alekseyev, A. Yu. 1987. Zametki po khronologii skifskikh stepnykh drevnostey IV v. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 28-39.
- Alekseyev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey iz sobraniya Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh.
- Bezsonova, S. S. 1977. Obraz sobako-ptakha u mystetstvi Pivnichnoho Prychornomoria skifskoi epokhy. *Arkheolohiia*, 23, s. 11-24.
- Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.
- Bessonova, S. S. 1991. «Muzhskoye» i «zhenskoye» v sakralnoy sfere skifov. In: Gening, V. F. (ed.). *Dukhovnaya kultura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 84-96.
- Bessonova, S. S., Raievskiy, D. S. 1977. Zolota plastyna iz Sakhnivky. *Arkheolohiia*, 21, s. 39-50.
- Bessonova, S. S., Zimovets, R. V., Skoryy, S. A. 2016. Bronzovaya matritsa skifskogo vremeni v poyme r. Trubezh (predvaritelnaya publikatsiya). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (19), s. 189-205.
- Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo, khranyashchiesya v imperatorskom muzeye Ermitazha*. 1854. Sankt-Peterburg, II.
- Kalashnik, Yu. P. 2014. *Grecheskoye zoloto v sobranii Ermitazha: Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichornomoria*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh.
- Mantsevich, A. P. 1980. Zolotoy nagrudnik iz Tolstoy Mogily. *Thracia Serdicae*, V, s. 97-120.
- Machinskii, D. A. 1980. Pektoral iz Tolstoy Mogily i velikoye zhenskiye bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka: Drevnost i ranneye srednevekovye*. Leningrad: Avropa, s. 131-150.
- Minasyan, R. S. 1991. Tekhnika izgotovleniya zolotykh i serebryanykh veshchey iz Chertomlykского кургана. In: Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. *Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 378-389.
- Mozolevskiy, B. N. 1972. Kurgan Tolstaya Mogila bliz g. Ordzhonikidze na Ukraine. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 268-308.
- Mozolevskiy, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.
- Rudolf, V. 1993. Bolshaya pektoral iz Tolstoy Mogily: rabota «chertomlykского мастера» i ego shkoly. *Arkheologicheskiye vesti*, 2, s. 85-90.
- Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4-5.
- Pidvysotska, O. P., Cherniakov, I. T. 2002. Tekhnolohichni sposterezhennia nad serednim yarusom pektoralii z Tovstoi Mohyly. In: Klochko, L. S. (ed.). *Muzeini chytannia. Materialy naukovoii konferentsii, hruden 2001 r.* Kyiv: MIKU, s. 17-26.
- Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyi mogilnik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kiev.
- Rusiaieva, M. 2008. Obrazotvorche i vzyhtkove mystetstvo. In: Skrypnyk, H., Mykhailova, R., Zabashta, R. (ed.). *Istoriia ukrainskoho mystetstva*, 1: Mystetstvo pervisnoi doby ta starodavnogo svitu. Kyiv: IMFE im. M. T. Rylskoho, s. 380-565.
- Savostina, E. A. 1999. Grecheskaya torevtika na skifskiyemy: zametki o stile skulpturnogo dekora. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kultura na periferii antichnogo mira*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. dekabr 1999. Sankt-Peterburg, s. 199-204.
- Tolochko, P. P. (ed.). 1991. *Zoloto stepu. Arkheolohiia Ukrainy*. Kyiv: Instytut arkheolohii Akademii nauk Ukrainy, Shlezvih: Arkheolohichni muzei.
- Treyster, M. Yu. 2010. Yuvelirnoye delo i torevtika. In: Bongard-Levin, G. M., Kuznetsov, V. D. (ed.). *Antichnoye nasledie Kubani*. Moskva: Nauka, 2, s. 534-597.
- Uiliams, D., Ogdin, D. 1995. *Grecheskoye zoloto. Yuvelirnoye iskusstvo klassicheskoy epokhi. V—IV veka do n. e.* Sankt-Peterburg: Slaviya.
- Cherniakov, I., Pidvysotska, O. 1999. Tekhnolohichni ta khudozhni osoblyvosti pektoralii z Tovstoi Mohyly. In: Kovtaniuk, N. H. (ed.). *Muzei na rubezhi epokh: mynule, sohodennia, perspektivy*. Materialy yuvelirnoi mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii. Kyiv, s. 77-78.
- Curry, A. 2016. Rites of the Scythians. *Archaeology*, Juli—August, p. 26-32.
- Dally, O. 2007. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen*. Königsgräber der Skythen. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 291-298.
- Firsov, K., Žuralev, D. 2007. Kul'-Oba, Kozel und Ak-sjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen*. Königsgräber der Skythen. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 276-290.
- Fornasier, J. 1997. Das Pektoral aus der Tolstaja Mogila. Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. In: Stähler, K. (ed.). *Zur graeco-skythischen Kunst*. Archäologisches Kolloquium Münster. Münster: Ugarit-Verlag, S. 119-146. Eikon, 4.
- Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world*. Leiden, New York, Köln: E. J. Brill. Handbuch der Orientalistik, 2.
- Piotrovskiy, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.
- Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams, Inc.
- Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr.* München: Verlag C. H. Beck.
- Schiltz, V. (ed.). 2001. *L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie Europe VIe siecle av. J.-C. — IVe siecle apr. J.-C.* Musee Cernuschi musee des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 16 mars — 15 juillet 2001. Paris: Editions Findakly.
- Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Grossen Blizniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 111, S. 105-137.
- Themelis, P. 2003. Macedonian dedications on the Akropolis. In: Palagia, O., Tracy, S. V. (ed.). *The Macedonians in Athens, 322—229 BC: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24—26, 2001*. Oxford: Oxbow, p. 162-172.
- Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD)*. Exeter: University of Exeter Press, p. 56-63, 190-194.
- Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum Press, p. 99-104.

L. I. Babenko

ABOUT THE BORDERS OF PECTORALS FROM THE TOLSTAYA MOGILA AND THE BOLSHAYA BLIZNITSA

Foreword. In the construction of the pectorals from the Tolstaya Mogila and the Bolshaya Bliznitsa the border were used, that edged the frame figure composition on one or both sides. Despite stylistic likeness (egg-and-dart ornamentation), the borders differ in structure, skill level, and their functional intended purpose.

The border of pectoral from the Tolstaya Mogila. The lower frieze border of the pectoral from the Tolstaya Mogila narrowed the gap height at the whole length by 4 mm, which provided optimal disposition of sculpture figures between two frieze binders. And also it visually enlarged the frieze width, promoting for more harmonic balance of the upper and lower friezes. The border of pectoral from the Bolshaya Bliznitsa. Two borders, that edged the figure composition of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa, when combined with 17 transverse strips, served as a framework for frieze figures bracing. They also ensured better immobility for pectoral binders that are laid of three ducts.

Conclusions. Usage of different design solutions in pectorals construction can evidence for their manufacture in different workshops.

Keywords: Scythians, pectoral, the Tolstaya Mogila, the Bolshaya Bliznitsa, toreutics, border.

Oдержано 26.01.2018.

БАБЕНКО Леонід Іванович, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна, babenkolnd@gmail.com.

BABENKO Leonid Ivanovich, Senior Researcher, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Universytetska str. 5, Kharkiv, 61003, Ukraine, babenkolnd@gmail.com.